

Английский по классике

А.Н.Толстой

Пётр Первый

Читай и понимай без словаря

Алексей Толстой
А.Н. Толстой. Пётр
Первый на английском
языке с параллельным
переводом на русский

<https://litres.ru/74396919>

SelfPub; 2026

Аннотация

Хотите читать мировую классику на английском, но боитесь, что не поймёте ни слова?

Эта книга — для тех, кто учит язык. После каждого предложения сразу идёт русский перевод. Вы просто читаете увлекательный текст и тут же понимаете смысл. Слова запоминаются сами, без зубрёжки и словаря.

Хотите только понимать написанное — читайте про себя. Хотите слышать речь и говорить бегло — читайте вслух: именно так формируется произношение и уходит языковой барьер.

А если кто-то скажет, что без грамматики не заговорить, напомним: по-русски мы все заговорили задолго до того, как узнали, что «жи» и «ши» пишутся с буквой «и».

Один из самых известных исторических романов XX века. Яркие характеры, стремительный сюжет и знакомая со школьных лет история — идеальный текст для чтения на английском.

Содержание

Глава	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

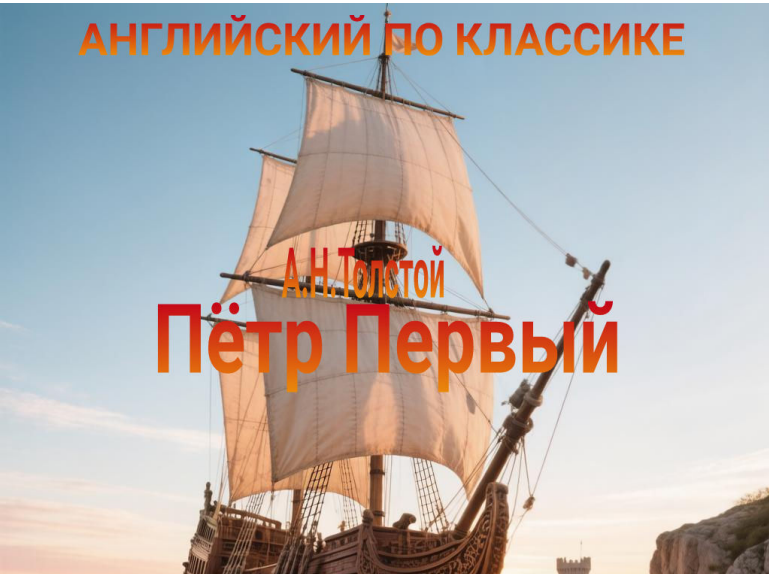

Алексей Толстой
А.Н. Толстой. Пётр
Первый на английском
языке с параллельным
переводом на русский

Глава

АНГЛИЙСКИЙ ПО КЛАССИКЕ

А.Н.Толстой
Пётр Первый

A large sailing ship with white sails on a blue sky background. The ship is a three-masted vessel, likely a galleon or a similar type of sailing ship. The sails are white and appear to be set. The ship is sailing on a body of water, and the sky is a clear blue. The ship is the central focus of the image, and the text is overlaid on it.

Хотите читать мировую классику на английском, но боитесь, что не поймёте ни слова?

Эта книга — для тех, кто учит язык. После каждого предложения сразу идёт русский перевод. Вы просто читаете увлекательный текст и тут же понимаете смысл. Слова запоминаются сами, без зубрёжки и словаря.

Хотите только понимать написанное — читайте про себя. Хотите слышать речь и говорить бегло — читайте вслух: именно так формируется произношение и уходит языковой барьер.

А если кто-то скажет, что без грамматики не заговорить, помните: по-русски мы все заговорили задолго до того, как узнали, что «жи» и «ши» пишутся с буквой «и».

Один из самых известных исторических романов XX века. Яркие характеры, стремительный сюжет и знакомая со школьных лет история — идеальный текст для чтения на английском.

Алексей Толстой. Пётр Первый

© Самойлов А.Г., 2026г.

Book One Книга первая

Chapter One Глава первая

Sanka jumped off the stove and hit the swollen door with

her backside. Санька соскочила с печи, задом ударила в забухшую дверь. Yashka, Gavrilka, and Artamoshka quickly climbed down after Sanka: suddenly everyone was thirsty, and they jumped into the dark entryway following a cloud of steam and smoke from the sour hut. За Санькой быстро слезли Яшка, Гаврилка и Артамошка: вдруг все захотели пить, — вскочили в темные сени вслед за облаком пара и дыма из прокисшей избы. A faint bluish light glimmered through the snow in the little window. Чуть голубоватый свет брезжил в окошечко сквозь снег. It was freezing. Студено. The tub of water was frozen over, and the wooden ladle was frozen over. Обледенела кадка с водой, обледенел деревянный ковшик.

The children were jumping from foot to foot, all barefoot, Sanka had a scarf tied around his head, Gavrilka and Artamoshka were wearing shirts down to their navels. Чада прыгали с ноги на ногу, — все были босы, у Саньки голова повязана платком, Гаврилка и Артамошка в одних рубашках, до пупка.

“The door, you who have been instructed!” — Дверь, оглашенные! the mother shouted from the hut. — закричала мать из избы.

Mother stood by the stove. Мать стояла у печи. The torches on the stove burned brightly. На шестке ярко загорелись лучины. The mother's wrinkled face lit up with fire. Материно морщинистое лицо осветилось огнем. The most terrifying thing of all was the tear-stained eyes that gleamed from under the torn shawl, like on an icon. Страшнее всего блеснули из-под рвано-

го плата исплаканные глаза, — как на иконе. For some reason, Sanka became afraid and slammed the door with all her might. Санька отчего-то забоялась, захлопнула дверь изо всей силы. Then she scooped up some fragrant water, took a sip, bit into an ice cube, and gave it to her brothers to drink. Потом зачерпнула пахучую воду, хлебнула, укусила льдинку и дала напиться братикам. She whispered: Прошептала:

— Are you cold? — Озябли? Or we'll run outside and have a look — dad's harnessing the horse... А то на двор сбегает, посмотрим, — батя коня запрягает...

In the yard, father was harnessing the sleigh. На дворе отец запрягал в сани. A soft snow was falling, the sky was snowy, jackdaws were sitting on the high fence, and it was not as cold here as in the entryway. Падая тихий снежок, небо было снежное, на высоком тыну сидели галки, и здесь не так студено, как в сенях. Father, Ivan Artemich - that's what his mother called him, and people and he himself in public called him Ivashka, nicknamed Brovkin - had a high cap pulled down over his angry eyebrows. На бате, Иване Артемиче, — так звала его мать, а люди и сам он себя на людях — Ивашкой, по прозвищу Бровкиным, — высокий колпак надвинут на сердитые брови. His red beard had not been combed since the very veil... Mittens stuck out from the bosom of his homespun caftan, belted low with bast, his bast shoes squealed angrily in the manured snow: father had trouble with the harness... The harness was rotten, only knots. Рыжая борода не чесана с самого по-

крова... Рукавицы торчали за пазухой сермяжного кафтана, подпоясанного низко лыком, лапти зло визжали по навозному снегу: у бати со сбруей не ладилось... Гнилая была сбруя, одни узлы. In vexation, he shouted at the black horse, the same as father, short-legged, with a bloated belly: С досады он кричал на вороную лошаденку, такую же, как батя, коротконогую, с раздутым пухом:

- Play around, unclean spirit! — Балуй, нечистый дух!

The children relieved themselves at the porch and huddled on the icy threshold, although the frost was biting. Чада справили у крыльца малую надобность и жались на обледенелом пороге, хотя мороз и прохватывал. Artamoshka, the smallest, barely managed to say: Артамошка, самый маленький, едва выговорил:

- No problem, we'll warm up on the stove... — Ничаво, на печке отогреемся...

Ivan Artemich harnessed the horse and began to water it from a tub. Иван Артемич запряг и стал поить коня из бадьи. The horse drank for a long time, puffing out its shaggy sides: "Well, feed me half-starved, I'll drink my fill." Father put on his mittens and took a whip from under the straw in the sleigh. Конь пил долго, раздувая косматые бока: «Что ж, кормите впроголодь, уж попою вдоволь»... Батя надел рукавицы, взял из саней, из-под соломы, кнут.

"Run into the hut, I'll get you!" — Бегите в избу, я вас! he shouted to his children. — крикнул он чадам. He fell sideways

onto the sleigh and, rolling outside the gate, trotted past the tall fir trees covered in snow to the estate of the nobleman's son, Volkov. Упал боком на сани и, раскатившись за воротами, рысцой поехал мимо осыпанных снегом высоких елей на усадьбу сына дворянского Волкова.

“Oh, it's cold, bitterly cold,” said Sanka. — Ой, студено, люто, — сказала Санька.

The children rushed into the dark hut, climbed onto the stove, their teeth chattering. Чада кинулись в темную избу, полезли на печь, стучали зубами. Warm, dry smoke curled under the black ceiling and escaped through the small porthole above the door: the hut was heated in a black way. Под черным потолком клубился теплый, сухой дым, уходил в волоковое окошечко над дверью: избу топили по-черному. Mother was making dough. Мать творила тесто. The yard was, after all, prosperous - a horse, a cow, four chickens. Двор все-таки был зажиточный — конь, корова, четыре курицы. They said of Ivashka Brovkin: strong. Про Ивашку Бровкина говорили: крепкий. They fell from the torch into the water, the embers of the torch hissed. Пали со светца в воду, шипели угольки лучины. Sanka pulled a sheepskin coat over herself and her brothers, and under the coat she again began to whisper about various passions: about those, may they not be mentioned, who rustle in the cellar at night ... Санька натянула на себя, на братиков бараний тулуп и под тулупом опять начала шептать про разные страсти: про тех, не будь помянуты, кто по ночам шуршит в подполье...

— Just now, damn my eyes, I was so scared... There was trash at the threshold, and on top of the trash, a broom... I looked from the stove, — the power of the cross is with us! — Давеча, лопни мои глаза, вот напужалась... У порога — сор, а на сору — веник... Я гляжу с печки, — с нами крестная сила! From under the broom — a shaggy one, with a cat's whiskers... Из-под веника — лохматый, с кошачьими усами...

“Oh, oh, oh,” the little ones were afraid under the sheepskin coat. — Ой, ой, ой, — боялись под тулупом маленькие.

A barely beaten road led through the forest. Чуть протопенная дорога вела лесом. Centuries-old pines blocked the sky. Вековые сосны закрывали небо. Windfall, thicket - difficult places. Бурелом, чащоба — тяжелые места. Vasily, son of Volkov, was allotted this land the year before last from his father, a Moscow service nobleman. Землю этой Василий, сын Волков, в позапрошлом году был поверстан в отвод от отца, московского служилого дворянина. The local office allocated Vasily four hundred and fifty dessiatines, and with them were assigned thirty-seven peasant souls with their families. Поместный приказ поверстал Василия четырьмястами пятьюдесятью десятинами, и при них крестьян приписано тридцать семь душ с семьями.

Vasily built an estate, but spent it all; half of the land had to be mortgaged to the monastery. Василий поставил усадьбу, да потратился, половину земли пришлось заложить в монастыре. The monks gave him money on high interest rates - twenty

kopecks per ruble. Монахи дали денег под большой рост — двадцать копеечек с рубля. But according to the contract, he had to be in the sovereign's service on a good horse, in armor, with a saber, with an arquebus, and lead with him warriors, three peasants, on horses, in tegileis, in sabers, in sadaks... He barely raised such weapons with the monastery money. А надо было по верстке быть на государственной службе на коне добром, в панцире, с саблей, с пищалью и вести с собой ратников, троих мужиков, на конях же, в тегилеях, в саблях, в саадаках... Едва-едва на монастырские деньги поднял он такое вооружение. And how would he live himself? А жить самому? And feed the servants? А дворню прокормить? And pay the monks interest? А рост плати монахам?

The Tsar's Treasury knows no mercy. Царская казна пощады не знает. Every year there is a new order, new money - fodder, travel, tribute and quitrent. Что ни год — новый наказ, новые деньги — кормовые, дорожные, дани и оброки. How much will they get for themselves? Себе много ли перепадет? And everyone asks the landowner - why is he so lazy to extort quitrent. И все спрашивают с помещика — почему ленив выколачивать оброк. But you can't skin a peasant more than one skin. А с мужика больше одной шкуры не сдерешь. The state was exhausted under the late Tsar Alexei Mikhailovich from wars, unrest and rebellions. Истощало государство при покойном царе Алексее Михайловиче от войн, от смут и бунтов. Since the anathema thief Stenka Razin roamed the land, the peasants

forgot God. Как погулял по земле вор анафема Стенька Разин, — крестьяне забыли бога. The slightest pressure - they bare their teeth like wolves. Чуть прижмешь покрепче, — скалят зубы по-волчьи. They flee from hardships to the Don - from where they can get them neither by letters nor by nisables. От тягот бегут на Дон, — откуда их ни грамотой, нисаблей не добыть.

The horse trotted along the road, covered in frost. Конь плелся дорожной рысцой, весь покрылся инеем. The branches brushed against the arch, showering snow dust. Ветви задевали дугу, сыпали снежной пылью. Clinging to the trunks, bushy-tailed squirrels looked at the traveler - this squirrel was the death of the forests. Прильнув к стволам, на проезжего глядели пушистохвостые белки, — гибель в лесах была этой белки. Ivan Artemich lay in the sleigh and thought - the peasant had only one thing left to do: think... Иван Артемич лежал в санях и думал, — мужику одно только и оставалось: думать...

“Well, alright... Give this one, give that one... Pay that one, pay that one... But—there’s an abyss—a state like this! «Ну, ладно... Того подай, этого подай... Тому заплати, этому заплати... Но — прорва, — эдакое государство!—how can you feed it? — разве ее напитаешь? We don’t run from work, we endure it. От работы не бегаем, терпим. And in Moscow, the boyars began to ride in golden carts. А в Москве бояре в золотых возках стали ездить. Give him even a cart, the well-fed devil. Подай ему и на возок, сытому дьяволу. Well, alright... You make him,

take what you need, but don't be naughty... And this, guys, is tearing two skins apart—naughty. Ну, ладно... Ты заставь, бери, что тебе надо, но не озорничай... А это, ребята, две шкуры драть — озорство. The sovereign's people have multiplied nowadays—you can spit on them, and there's a clerk, or a sub-clerk, or a kisser sitting there, writing... And one peasant... Oh, guys, I'd rather run away, a beast in the forest will break me, death is sooner than this naughtiness... You won't be able to feed yourself on us for long like this..." Государевых людей ныне развелось — плюнь, и там дьяк, али подьячий, али целовальник сидит, пишет... А мужик один... Ох, ребята, лучше я убегу, зверь меня в лесу заломает, смерть скорее, чем это озорство... Так вы долго на нас не прокормитесь...»

Ivashka Brovkin thought, maybe so, and maybe not so. Ивашка Бровкин думал, может быть, так, а может, и не так. From the forest onto the road, kneeling in a sleigh, rode Tsygan (by nickname), a Volkov peasant, a black man with gray hair. Из леса на дорогу выехал, стоя в санях на коленках, Цыган (по прозвищу), волковский же крестьянин, черный, с проседью, мужик. For about fifteen years he had been on the run, wandering between the courtyards. Лет пятнадцать он был в беггах, шатался меж двор. But a decree was issued: to return all fugitives to the landowners without a statute of limitations. Но вышел указ: вернуть помещикам всех беглых без срока давности. Tsygan was captured near Voronezh, where he was a peasant, and returned to Volkov Sr. Цыгана взяли под Вороне-

жем, где он крестьянствовал, и вернули Волкову-старшему. He again sharpened his bast shoes - they caught him, and it was ordered that Tsygan should be whipped without mercy and kept in prison - on Volkov's estate - and when the skin healed, take him out, beat him with a whip without mercy in another row and throw him back in prison, so that he, a rogue, a thief, would have to run away from now on he won't do it again. Он опять было наострил лапти, — поймали, и велено было Цыгана бить кнутом без пощады и держать в тюрьме, — на усадьбе же у Волкова, — а как кожа подживет, вынув, в другой ряд бить его кнутом же без пощады и опять кинуть в тюрьму, чтобы ему, плуту, вору, впредь бегать было неповадно. The Gypsy only saved himself by being assigned to Vasiliev's dacha. Цыган только тем и выручился, что его отписали на Васильеву дачу.

“Great,” said the Gypsy to Ivan and moved into his sleigh. — Здорово, — сказал Цыган Ивану и пересел в его сани.

- Great. — Здорово.

- Do you hear anything? — Ничего не слышно?

— It seems like nothing good has been heard... — Хорошего будто ничего не слышно...

The gypsy took off his mitten, spread his moustache and beard, hiding his cunning: Цыган снял варежку, разворотил усы, бороду, скрывая лукавство:

— I met a man in the forest: the king, he says, is dying. — Встретил в лесу человека: царь, говорит, помирает.

Ivan Artemich stood up in the sleigh. Иван Артемич при-

встал в санях. Horror took hold... "Whoa!"... He pulled off his cap and crossed himself: Жуть взяла... «Тпру»... Стащил колпак, перекрестился:

- Who will they call the king now? — Кого же теперь царем-то скажут?

“Except for the boy, he says, there’s no one else, except Pyotr Alekseevich.” — Окромя, говорит, некого, как мальчонку, Петра Алексеевича. And he barely dropped the tit... А он едва титьку бросил...

- Well, boy! — Ну, парень! - Ivan pulled down his cap, his eyes turned white. — Иван нахлобучил колпак, глаза побелели. - Well, boy... Now wait for the boyar kingdom. — Ну, парень... Жди теперь боярского царства. We'll all be lost... Все распропадем...

“We’ll be lost, or maybe it’s nothing—that’s it.” — Пропадем, а может, и ничего — так-то. The Gypsy leaned right over. — Цыган подсунулся вплоть. He winked. Подмигнул. “This man said there will be unrest... Maybe we’ll live a while, chew bread, have tea—we’re seasoned.” — Человек этот сказывал — быть смуте... Может, еще поживем, хлеб пожуюем, чай — бывалые. The Gypsy bared his wood-goblin teeth and laughed, coughing loudly enough for the whole forest to hear. — Цыган оскалил лешачьи зубы и засмеялся, кашлянул на весь лес.

A squirrel darted from a tree trunk and flew across the road; snow began to fall and sparkled in a column of needles in the slanting light. Белка кинулась со ствола, перелетела через до-

рогу, посыпался снег, заиграл столбом иголочек в косом свете. A large crimson sun hung at the end of the road over a hillock, over the high palisades, steep roofs, and smoke of the Volkov estate... Большое малиновое солнце повисло в конце дороги над бугром, над высокими частоколами, крутыми кровлями и дымами волковской усадьбы...

Ivashka and Tsygan left their horses near the high gates. Ивашка и Цыган оставили коней около высоких ворот. Above them, under a gable roof, was an image of the honest cross of the Lord. Над ними под двухскатной крышей — образ честного креста господня. Further on, an impassable fence stretched around the entire estate. Далее тянулся кругом всей усадьбы неперелазный тын. At least meet the Tatars... The men took off their hats. Хоть татар встречай... Мужики сняли шапки. Ivashka took hold of the ring in the gate and said as required: Ивашка взялся за кольцо в калитке, сказал как положено:

— Lord Jesus Christ, Son of God, have mercy on us... — Господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй нас...

Averian, the guard, came out of the gate, his bast shoes creaking, looked through the crack, and saw that they were his own. Скрипя лаптями, из воротни вышел Аверьян, сторож, посмотрел в щель, — свои. He said, "Amen," and began to open the gate. Проговорил: аминь, — и стал отворять ворота.

The men led the horses into the yard. Мужики завели лошадей во двор. They stood without hats, looking askance at the mica windows of the boyar's hut. Стояли без шапок, ко-

сясь на слюдяные окошечки боярской избы. А porch with a steep staircase led there, into the chambers. Туда, в хоромы, вело крыльцо с крутой лестницей. А beautiful porch of carved wood, an onion-shaped roof. Красивое крыльцо резного дерева, крыша луковицей. Above the porch was a hipped roof with two half-barrels and a gilded comb. Выше крыльца — кровля — шатром, с двумя полубочками, с золоченым гребнем. The lower part of the hut - the basement - was made of mighty logs. Нижнее жилье избы — подклеть — из могучих бревен. Vasily Volkov prepared it for storerooms for winter and summer supplies - bread, corned beef, pickles, various pickles. Готовил ее Василий Волков, под кладовые для зимних и летних запасов — хлеба, солонины, солений, мочений разных. But - the men knew - his storerooms were full of mice. Но, — мужики знали, — в кладовых у него одни мыши. And the porch - God grant to another prince: the porch rich... А крыльцо — дай бог иному князю: крыльцо богатое...

“Averyan, why did the boyar summon us with horses? Was it some kind of duty?” — Аверьян, зачем боярин нас вызывал с конями, — повинность, что ли, какая?... asked Ivashka. — спросил Ивашка. “It seems we have nothing to do with it...” — За нами, кажется, ничего нет такого...

— You will take military men to Moscow... — В Москву ратных людей повезете...

- Should we break horses again? — Это опять коней ломать?...

“What do you hear?” asked the Gypsy, moving closer. “War with whom?” — А что слышно, — спросил Цыган, придвигаясь, — война с кем? “Trouble?” Смута?

“It’s none of your or my business.” — Не твоего и не моего ума дело. Gray-haired Averian bowed. — Седой Аверьян поклонился. “You were ordered to take him.” — Приказано — повезешь. Today they brought a cartload of whips for your brother... Сегодня батоков воз привезли для вашего-то брата...

Averyan, without bending his legs, went to the gatehouse. Аверьян, не сгибая ног, пошел в сторожку. In the winter twilight, a small window shone here and there. В зимних сумерках кое-где светило окошечко. There were many buildings piled up in the yard - cattle yards, cellars, huts, a forge. Нарожено всякого строения на дворе было много — скотные дворы, погреба, избы, кузня. But everything was half useless. Но все наполовину без пользы. Volkov had only fifteen serfs in the yard, and even they lived from bread to kvass. Дворовых холопей у Волкова было всего пятнадцать душ, да и те перебивались с хлеба на квас. They worked, of course - they plowed somehow, sowed, hauled wood, but how can you live on that? Работали, конечно, — пахали кое-как, сеяли, лес возили, но с этого разве проживешь? The labor of serfs. Труд холопий. They said that Vasily sends one to Moscow to play the fool on the porch - he brings in money. Говорили, будто Василий посылает одного в Москву юродствовать на паперти, — тот де-

нег приносит. Yes, two walk around Moscow with boxes, selling spoons, bast shoes, whistles ... And yet the basis - men. Да двое ходят с коробами в Москве же, продают ложки, лапти, сви-стульки... А все-таки основа — мужички. They feed... Те — кормят...

Ivashka and Tsygan, standing in the twilight in the yard, were thinking. Ивашка и Цыган, стоя в сумерках на дворе, думали. There is nowhere to hurry. Спешить некуда. There is nowhere good to expect. Хорошего ждать неоткуда. Of course, the old people say that it was easier before: if you didn't like it, you went to another landowner. Конечно, старики рассказывают, прежде легче было: не понравилось, ушел к другому помещику. Now this is forbidden - live where you are told. Ныне это заказано, — где велено, там и живи. You are told to feed Vasily Volkov - feed him however you want. Велено кормить Василия Волкова, — как хочешь, так и корми. Everyone has become serfs. Все стали холопами. And you have to wait: it will be even harder... И ждать надо: еще труднее будет...

A door squealed somewhere, and a bareheaded, shameless street girl flew up through the snow: Завизжала где-то дверь, по снегу подлетела простоволосая девка-дворовая, бесстыдница:

— The boyar ordered, — unharness. — Боярин велел, — распрягайте. He ordered to spend the night. Ночевать велел. Give the horses — God forbid — the boyar's hay... Лошадям задавать — избави боже, боярское сено...

The gypsy wanted to burn the girl's smooth bottom with his whip, but she ran away... They unharnessed her slowly. Цыган хотел было кнутом ожечь по гладкому заду эту девку, — убежала... Не спеша распрягли. They went to the janitor's hut to spend the night. Пошли в дворницкую избу ночевать. The servants, about eight of them, having stolen a tallow candle from the boyar, were slapping greasy cards on the table - winning kopecks from each other... Shouting, arguing, one trying to shove money into his cheek, another tearing his lips. Дворовые, человек восемь, своровав у боярина сальную свечу, хлестали засаленными картами по столу, — отыгрывали друг у друга копейки... Крик, спор, один норовит сунуть деньги за щеку, другой рвет ему губы. Idlers, and yet - well-fed! Лодыри, и ведь — сытые!

Off to the side, on a bench, sat a boy in a long linen shirt and worn-out bast shoes—Alyoshka, Ivan Artemich's son. В стороне, на лавке сидел мальчик в длинной холщовой рубашке, в разбитых лаптях, — Алешка, сын Ивана Артемича. In the autumn, due to hunger and arrears, he had to be given over to the boyar for perpetual bondage. Осенью пришлось, с голоду, за недоимку отдать его боярину в вечную кабалу. The boy had big eyes, like his mother. Мальчишка большеглазый, в мать. You could tell by his hair that they beat him here. По вихрам видно — бьют его здесь. Ivan glanced sideways at his son, felt sorry for him, and said nothing. Покосился Иван на сына, жалко стало, ничего не сказал. Alyoshka bowed low to his father

in silence. Алешка молча, низко поклонился отцу.

He beckoned to his son and asked in a whisper: Он поманил сына, спросил шепотом:

—Have you had dinner? — Ужинали?

— We had dinner. — Ужинали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.